

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО**

**CIVIL LAW;
BUSINESS LAW;
FAMILY LAW;
PRIVATE INTERNATIONAL LAW**

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-16-28>

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРЕДИТОРА, ТРЕБОВАНИЯ КОТОРОГО ОБЕСПЕЧЕНЫ ЗАЛОГОМ ИМУЩЕСТВА В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ДОЛЖНИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ)

А.И. Босых, Ф.В. Короткий, И.Ю. Курин*, К.Р. Симонян
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Босых А.И., Короткий Ф.В., Курин И.Ю., Симонян К.Р. Правовой статус кредитора, требования которого обеспечены залогом имущества в делах о банкротстве должника (по материалам практики Верховного Суда РФ). *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;13(4):16–28. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-16-28>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Курин Игорь Юрьевич*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040
Тел.: +7 (918) 408-34-34
E-mail: Loveboks@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 15.10.2021

Статья принята к печати: 15.11.2021

Дата публикации: 29.12.2021

Аннотация: Стабильность экономики страны в целом и гражданского имущественного оборота в частности зависит, в том числе, от экономической состоятельности каждого его участника. Нередко случаются ситуации, при которых экономическая стабильность участников гражданского оборота снижается и им, равно как и их контрагентам необходима соответствующая защита. Институт банкротства призван обеспечить баланс интересов участников гражданского оборота, имеющих финансовые сложности, и их контрагентов – кредиторов. Такой баланс может достигаться как путем установления законодателем императивным норм и правил, требующих неукоснительного соблюдения, так и предоставления участникам определенной свободы при реализации ими своей правосубъектности в рамках процедуры банкротства. Статья посвящена проблемным вопросам правоприменительной практики Верховного суда РФ, посвященным институту залога как наиболее востребованного способа обеспечения исполнения обязательств. Авторами исследуется изменившийся вектор правоприменительной практики арбитражных судов судебной системы России к институту залога без изменения действующего законодательного регулирования исследуемых правоотношений. Авторами проанализирован и критически оценен новый подход Верховного Суда РФ к вопросам института залога в делах о банкротстве.

Целью исследования является анализ материалы судебной практики Верховного суда Российской Федерации с выявлением новых подходов к залогом как способу обеспечения исполнения обязательств и возможных последствий соответствующих выводов высшей судебной инстанции для всего института банкротства в целом.

Методы. При подготовке настоящего исследования авторами были использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе: анализ, сравнительно-правовой и формально-догматический методы.

Ключевые слова: залог, обеспечение исполнения обязательств, баланс интересов, кредитор, должник, налоговый орган, распределение расходов, очередность удовлетворения требований.

THE LEGAL STATUS OF A CREDITOR WHOSE CLAIMS ARE SECURED BY A PLEDGE OF PROPERTY IN CASES OF BANKRUPTCY OF THE DEBTOR BASED (ON THE MATERIALS OF THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Andrey I. Bosykh, Philipp V. Korotkiy, Igor Yu. Kurin*, Kristina R. Simonyan
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Bosykh A.I., Korotkiy Ph.V., Kurin I.Yu., Simonyan K.R. The legal status of a creditor whose claims are secured by a pledge of property in cases of bankruptcy of the debtor based (on the materials of the practice of the Supreme court of the Russian Federation). *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;13(4):16–28. <https://doi.org/10.31429/20785836-13-4-16-28>

CONTACT INFORMATION:

Igor Yu. Kurin*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 408-34-34

E-mail: Loveboks@mail.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 15.10.2021

The article has been accepted for publication: 15.11.2021

Date of publication: 29.12.2021

Annotation: The stability of the country's economy in general and civil property turnover in particular depends, among other things, on the economic viability of each of its participants. There are often situations in which the economic stability of participants in civil turnover decreases and they, as well as their counterparties, need appropriate protection. The Institute of bankruptcy is designed to ensure a balance of interests of civil turnover participants with financial difficulties and their counterparties – creditors. Such a balance can be achieved both by establishing mandatory norms and rules by the legislator that require strict compliance, and by providing participants with a certain freedom when they exercise their legal personality within the framework of the bankruptcy procedure. The article is devoted to problematic issues of law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation, dedicated to the institution of collateral as the most popular way to ensure the fulfillment of obligations. The authors study the changed vector of law enforcement practice of arbitration courts of the judicial system of Russia to the institution of collateral without changing the current legislative regulation of the legal relations under study. The authors analyzed and critically evaluated the new approach of the Supreme Court of the Russian Federation to the issues of the institution of collateral in bankruptcy cases.

The purpose of the study is to analyze the materials of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation with the identification of new approaches to collateral as a way to ensure the fulfillment of obligations and the possible consequences of the relevant conclusions of the supreme court for the entire institution of bankruptcy as a whole.

Methods. In preparing this study, the authors used general scientific and private scientific methods of cognition, including: analysis, comparative legal and formal dogmatic methods.

Keywords: pledge, enforcement of obligations, balance of interests, creditor, debtor, tax authority, distribution of expenses, ranking of the claims.

Введение

Институт несостоятельности (банкротства) призван регулировать правоотношения, возникающие при неплатежеспособности одного лица – должника, и его кредиторами, о порядке их взаимодействия в целях восстановления платежеспособности и исполнения должником принятых на себя обязательств.

Процедура банкротства представляет собой сложный многоуровневый механизм, сосредоточивший в себе различные правовые институты и нормы; вовлекающий в себя огромное количество субъектов, обладающих эгоистичными интересами [10].

В связи со значительным количеством дел о банкротстве, рассматриваемых арбитражными судами, как в отношении юридических лиц, так и граждан, массив правоприменительной практики в данной сфере является внушительным. Так, количество граждан, включая индивидуальных предпринимателей, признанных банкротами только в январе-сентябре 2021 года, составило 137 485 человек. Всего за период существования процедуры потребительского банкротства, с октября 2015 года по 30 сентября 2021 года несостоятельными стали уже 419 765 граждан¹.

Количество корпоративных банкротств за аналогичный период 2021 года составило 7 409, а всего за период 2015-2021 годы 81 992 юридических лиц признаны банкротом².

В связи с этим, участниками гражданских правоотношений в данной сфере крайне востребовано полное и сбалансированное нормативно-правовое регулирование института банкротства. При этом институт несостоятельности (банкротства) необходим не только для защиты финансовых интересов участников гражданского оборота, но и выполняет более глобальную цель – оздоровление экономики России.

Одной из особенностей, свойственных процедурам банкротства является конкуренция или даже конфликт интересов его участников. С одной стороны, его участником является должник и контролирующие его лица, с другой – его кредиторы, в числе которых зачастую представлены публично-правовые образования. Полное удовлетворение требований всех кредиторов должника при его банкротстве является исключительно редким явлением, если не сказать невозможным. Более же распространенной является ситуация с низким показателем погашения требований кредиторов.

Так, средний процент погашения требований кредиторов в процедурах банкротства юридических лиц за 2019 год составил всего 5,2 %, в 2020 году – 5,2 %. Еще более низкие показатели в процедурах банкротства граждан: 2019 год – 4,5 %, 2020 год – 3,8 %³.

Таким образом, всегда остается как минимум одна сторона (как правило, это конкурсные кредиторы и уполномоченный орган), интересы которой не соблюдены, а права не восстановлены в полной мере. Конкурсные кредиторы при рассмотрении судами дел о банкротстве обладают рядом правовых возможностей, которые составляют основу их правового статуса. Положение кредиторов в процессе банкротства сводится к возможности получения наиболее полного удовлетворения своих требований.

Методы исследования

При проведении исследования был осуществлен анализ имеющихся в науке и судебной практике арбитражных судов подходов к институту залога, а также к приоритету удовлетворения требований залоговых кредиторов и налогового органа. Сравнительно-правовой метод позволил проследить не только изменившийся вектор правоприменительной практики, но и выявить вектор ее дальнейшего развития. Использование формально-догматического метода сделало возможным изучение действующего правового регулирования института залога и пределы его реализации при рассмотрении судами дел о банкротстве.

¹ Банкротства в России: итоги 9 мес. 2021 года, статистический релиз Федресурса [сайт]. Федресурс; 2021 [обновлено 06 октября 2021; процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://fedresurs.ru/news/a0f63046-bc8e-4f8b-9ac5-1c970748d291?attempt=1>

² Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года [сайт]. Федресурс; 2021 [обновлено 25 января 2021; процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc>

³ Статистический бюллетень ЕФРСБ на 31 декабря 2020 года [сайт]. Федресурс; 2021 [обновлено 25 января 2021; процитировано 12 октября 2021]. Доступно: <https://fedresurs.ru/news/1fc434cc-96ed-4fcb-9ceb-9bb2e3d23adc>

Результаты исследования

В результате проведенного исследования, связанного с последовательным принятием судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда РФ определений, посвященных вопросу очередности погашения требований по текущим налоговым обязательствам, были сформулированы некоторые важные, на наш взгляд, выводы:

1. При неизменности нормативно-правового регулирования института залога, его содержание и роль изменились посредством судебного правотворчества Верховного суда РФ. Оценка эти изменений может разниться, но нам представляется, что положительными такие изменения охарактеризовать сложно.

2. Верховный суд РФ сместил баланс частного и публичного интереса в пользу последнего. Мотивировка, содержащаяся в рассмотренных определениях суда, о необходимости, с помощью такого регулирования, соблюдения интересов всех кредиторов через сохранение конкурсной массы, сформированной от реализации иного, не залогового, имущества, де факто единственным выигравшим в данном случае лицом является налоговый орган, т.е. государство.

3. Расширительное толкование п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве представляется явно противоречащим концепции законодателя. Распространение Верховным судом РФ его применение в ситуациях уплаты НДС за сдачу имущества в аренду, ведет к игнорированию вопроса о различной правовой сущности расходов на обеспечение сохранности предмета залога и налоговых платежей.

Полагаем, что налоговый орган, как кредитор, априори не должен получить какого-либо преимущества перед залоговыми кредиторами: законодательное обеспечение интересов казны разных уровней осуществляется предоставлением налоговым органам новых механизмов для пополнения бюджета, что далеко не всегда видится справедливым по отношению к иным участникам гражданского оборота.

4. Сложившаяся за длительное время судебная практика, отрицающая приоритет налогового органа в части погашения налоговых обязательств над преимущественным правом залогового кредитора на получение денежных средств от реализации предмета залога, теперь в прошлом. Изменения судебной практики в данном вопросе уже произошло, и арбитражные суды будут руководствоваться новым подходом, продиктованным высшей судебной инстанцией.

5. Не продуманы все правовые последствия применения расширительного толкования п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве. Остается подвешенным вопрос оценки действий арбитражных управляющих в делах о банкротстве, в которых расчеты с кредиторами осуществлялись до вынесения хотя бы определения Верховного суда РФ от 08.04.2021 г. Изменения в нормы закона не вносились, соответственно сам закон остался неизменным, правило об обратной силе в данном случае неприменимо.

Фактически, Верховным судом РФ заложена бомба замедленного действия, которая при должной воле со стороны налогового органа может привести к оспариванию всех расчетов с кредиторами во всех процедурах банкротства (в пределах трехлетнего срока исковой давности), где реализовывался предмет залога. Возможные правовые последствия: массовое взыскание убытков с арбитражных управляющих, страховых компаний и саморегулируемых организаций, коллапс системы саморегулирования арбитражного управления; опять же поголовное привлечение арбитражных управляющих к административной ответственности, и, как следствие, неминуемое кратное увеличение количества их дисквалификаций.

6. Возможность дальнейшего формирования судебной практики о взыскании с кредиторов, воспользовавшимся механизмом оставления предмета залога за собой (п. 4.3 ст. 138 Закона о банкротстве), сумм текущих налоговых обязательств, неразрывно связанных с предметом залога. Основная доля таких кредиторов приходится на банки, что повлечет дополнительную нагрузку на банковскую систему.

7. Принятие нового порядка распределения расходов при проведении процедур банкротства на содержание предмета залога, с учетом текущих налоговых обязательств должника, неразрывно связанных с объектом залогового правоотношения, вступает в диссонанс с нормативно-правовым регулированием порядка обращения взыскания на предмет залога вне процедур банкротства, в которых отсутствует механизм принудительного изъятия части стоимости имущества при его реализации.

8. Границы применения норм п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве становятся размытыми, поскольку применение системного и телеологического толкования к данным нормам может повлечь дальнейшее расширение перечня расходов, не ограничиваясь только налоговыми обязательствами.

Научная дискуссия

Обеспеченность залогом требований кредиторов при банкротстве должника существенно повышает вероятность их удовлетворения по сравнению с кредиторскими требованиями, не имеющими такого обеспечения. Равным образом любой залоговый кредитор в целях полноты удовлетворения своих требований заинтересован в исключении залогового статуса у требования любого иного кредитора, конкурирующего с ним за конкурсную массу должника, которой, как правило, недостаточно для полного погашения требований кредиторов [9, с. 5–18].

По сути, в научной литературе широко распространена точка зрения, согласно которой истинная сущность и «обеспечительная сила» залога в полном объеме реализуется исключительно благодаря особому приоритету в делах о банкротстве [3, с. 1; 8; 13, с. 1143]. По мнению зарубежных исследователей института залога, последнему свойственны две функции – приоритет и контроль [12, с. 1–2; 14, с. 901–977; 16, с. 795–862].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) под конкурсными кредиторами понимают кредиторов должника по денежным обязательствам, за исключением уполномоченных органов, граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, морального вреда, имеет обязательства по выплате вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности, а также учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия¹.

Вышеуказанная дефиниция неизбежно указывает, что текущее понятие конкурсных кредиторов в значительной степени отличается от традиционного. Это различие, прежде всего, связано с тем, что действующее законодательство, по сути, не признает в качестве конкурсных кредиторов должников, права требования которых вытекают из трудовых, налоговых и иных правоотношений.

Множественность лиц на стороне кредиторов зачастую приводит к возникновению проблемы конкуренции предъявляемых к несостоятельному должнику требований, которая выражается в стремлении получения преимущества при удовлетворении своих требований [13, с. 1143–1182]. В данном случае, преимущество находится на стороне конкурсных кредиторов, права требования которых обеспечены залогом имущества должника. Особенности правового положения кредиторов, требования которых обеспечены залогом имущества должника, закреплены в статье 18.1 Закона о банкротстве.

Нормативно-правовое регулирование правового положения кредитора, права требования которого обеспечены залогом имущества должника, осуществляется, в том числе, параграфом 3 главы 23 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В соответствии с нормами ст. 334 ГК РФ закреплено право кредитора по обеспеченному залогом обязательству, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя).

Специальное нормативно-правовое регулирование вышеуказанной ситуации обеспечено нормами Закона о банкротстве. Так, последний наделяет кредитора правом самостоятельно определять порядок реализации предмета залога и его начальную стоимость (п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве), а также закрепляет право оставления предмета залога в счет погашения требований такого кредитора (п. 4.2 ст. 138 Закона о банкротстве).

В соответствии с нормами ст. 18.1 Закона о банкротстве, при продаже заложенного имущества требования конкурсного кредитора по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, подлежат удовлетворению за счет средств, вырученных от продажи заложенного имущества. Согласно алгоритму, приведенному в п. 1 ст. 138 Закона о банкротстве, кредитор, получает удовлетворение от 70 до 95 процентов от стоимости реализации обремененного залогом имущества.

Не удовлетворенные за счет стоимости предмета залога требования конкурсного кредитора по обязательствам, которые были обеспечены залогом имущества должника, удовлетворяются в составе требований кредиторов третьей очереди. На практике такое преимущество выражается в более полном, относительно общего уровня, погашения требований кредиторов. Так, в 2019 году погашено 29,5% от общего объема требований кредиторов, в 2020 году – 21,6 %.

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Важно отметить, что расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет средств, поступивших от реализации предмета залога, до распределения этих средств и направления на погашение требований кредиторов, права которых обеспечены залогом реализованного имущества (п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве).

Перекладывание данных расходов на незалоговых кредиторов (на заявителя по делу о банкротстве) не согласуется с целями законодательного регулирования отношений несостоятельности [8, с. 57–67].

Указанная весьма обоснованная норма появилась в 2014 г.¹ и позволила законодателю обеспечить баланс интересов всех кредиторов в деле о банкротстве, фактически отнеся затраты на обеспечение сохранности и реализацию предмета залога на кредитора, обладающего правом залога на данное имущество [7, с. 114–139].

До появления указанного пункта подобные расходы относились к текущим платежам должника и удовлетворялись за счет 5 или 10 процентов от денежных средств, вырученных после продажи предмета залога. В силу абз. 2 п. 15 постановления Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 г. № 88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве»² к этой категории текущих платежей относятся также расходы, связанные с продажей заложенного имущества (оплата издержек и вознаграждения организатора торгов и т.п.).

Однако нормы п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве оказались недостаточными. По-прежнему возникает значительное количество проблемных ситуаций, касающихся должника-залогодателя при его банкротстве. Как следствие, оказываются в недостаточной степени защищенными интересы кредитора по обязательству, обеспеченному залогом имущества несостоятельного должника.

В итоге нормативно-правовое регулирование механизма определения объема денежных средств, подлежащих погашению кредитору, права которого обеспечены залоговым имуществом, оказалось недостаточным. В частности, актуальными и все более значимыми стали вопросы соотношения баланса интересов между кредиторами, обладающими правами залога на имущество должника, и государства в лице федеральной налоговой службы в части налоговых обязательств, связанных с владением, пользованием и реализацией предмета залога.

Нормы п. 6 ст. 138 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», с одной стороны, не содержат указания на необходимость изъятия и уплаты в бюджет сумм налогов, как связанных с владением (налог на имущество, земельный налог, транспортный налог), пользованием (налог на прибыль, налоги и взносы, связанные с начислением и выплатой заработной платы), так с распоряжением данным имуществом (например, налог на прибыль). Таким образом, основания для изъятия сумм перечисленных налогов из общей суммы реализации предмета залога, а, следовательно, изъятия их у залогового кредитора, отсутствовали. Денежные средства направлялись на погашение требований залоговых кредиторов.

С другой стороны, наблюдалась все более активная позиция ФНС России в делах о банкротстве в части необходимости приоритетного погашения всех текущих налоговых обязательств, возникших в деле о несостоятельности (банкротстве) до начала расчетов с кредиторами, права которых обеспечены залогом.

Логическим обоснованием требований налогового органа при этом является неразрывная связь предмета залога с суммами возникших налоговых обязательств и недопустимости получения залоговыми кредиторами необоснованного преимущества в виде игнорирования соответствующих обязательств перед бюджетом. Длительное время судебная практика по данному вопросу складывалась не пользу налогового органа.

В целом, проблема налогообложения предмета залога не является новой. Первоначально много споров вызывал вопрос о том, за чей счет должен погашаться НДС при продаже заложенного имущества. Высший Арбитражный суд РФ встал на сторону залогодержателей. Так, в Постановлении Пленума ВАС № 11 «Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом»³ прямо указывалось, что НДС в связи с реализацией предмета

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 06 декабря 2013 г. № 88 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом: Постановление Пленума ВАС РФ от 25 января 2013 г. № 11 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

залога учитывается в четвертой (в настоящее время пятой) очереди текущих платежей. То есть требование налогового органа об уплате погашается позднее, чем требование залогодержателя, и, следовательно, погашается за счет оставшейся конкурсной массы.

Затраты, например, на охрану предмета залога компенсируются только из денежных средств, вырученных от реализации этого предмета залога, при этом направление денежных средств, вырученных от продажи имущества должника, находящегося в залоге у одного кредитора, на компенсацию затрат на охрану иного имущества должника, находящегося в залоге у других кредиторов и нереализованного, противоречит указанному принципу [1, с. 17–30].

Данный подход в литературе подвергался критике. Так, Суворов Е.Д. указывает, что уплата НДС, равно как и иных налогов, связанных с предметом залога, должна быть отнесена к издержкам, связанным с предметом залога и его реализацией. Представляется, что издержки должны покрываться за счет стоимости залога, а не относиться на третьих лиц [11, с. 16–24].

Зарубежные правовые порядки, например, параграфы 170-171 Положения ФРГ о несостоятельности, исходят из того, что НДС от продажи движимой вещи, обремененной залогом, платится за счет такого залогового кредитора [15, с. 340].

В дальнейшем законодатель решил изменить этот подход: от обложения НДС была освобождена реализация предмета залога, путем изменения в 2015 году статьи 146 НК РФ. Несмотря на то, что правовая позиция Высшего Арбитражного суда РФ не применяется на практике, ее сущностное обоснование не утратило своей актуальности: урегулирование очередности требований кредиторов должника направлено, в том числе, на создание возможности защиты от банкротства путем установления залога и развитие тем самым кредитных отношений.

С введением п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве на других кредиторов более не возложена обязанность оплаты за реализацию предмета залога и за его охрану – это признано исключительным интересом залогодержателя. Однако вышеуказанное законодательное решение применялось лишь к ограниченному перечню случаев – платы за сохранность имущества и платы за торги.

Полагая, что указанный недостаток длительное время представлял собой вакуум в правоприменительной практике, высший судебный орган активно принялся за толкование имеющихся правовых норм. Так, судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда РФ последовательно были вынесены определения № 305-ЭС20-10152 от 19.10.2020 г.¹, № 305-ЭС20-10152 от 08.04.2021 г.², № 308-ЭС18-21050 (41) от 08.07.2021 г.³, которые посвящены разрешению споров между налоговым органом, с одной стороны, и кредиторами, чьи права обеспечены залоговым имуществом с другой.

Указанные определения во многом неожиданно сформировали диаметрально противоположную позицию высшей судебной инстанции по отношению к уже сложившемуся ранее подходу.

Хронологически первое определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 19.10.2020 г. посвящено разрешению спора об обязанности должника-банкрота платить до начала расчетов с залоговым кредитором налог на добавленную стоимость, образовавшийся вследствие передачи предмета залога третьему лицу по договору аренды. Непосредственным предметом спора являлся спор между конкурсным управляющим и банком, в котором был открыт специальный расчетный счет должника, предусмотренный п. 3 ст. 138 Закона о банкротстве. Однако в контексте данного исследования нас интересует именно позиция суда о порядке уплаты налога, непосредственно связанного с распоряжением предметом залога.

Первоначально банком было отказано в осуществлении расчетных операций в пользу бюджета, ввиду несоответствия платежных документов особому режиму счета. Позиция банка была поддержана судами трех инстанций. Отказывая в удовлетворении иска, суды исходили из того, что расходы, связанные с уплатой НДС, не отвечают признакам затрат, упомянутых в п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве. Уплата обязательных платежей из средств, размещенных на залоговом счете,

¹ Картотека арбитражных дел. Дело № А40-46117/2019 [сайт]. Электронное правосудие; 2021 [процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://kad.arbitr.ru/Card/fb5ed9e2-8995-4d6b-a024-254d413d9eae>

² Картотека арбитражных дел. Дело № А40-48943/2015 [сайт]. Электронное правосудие; 2021 [процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://kad.arbitr.ru/Card/bc0af0f2-17fe-4fdd-b968-060b124fcb2d>

³ Картотека арбитражных дел. Дело № А53-32531/2016 [сайт]. Электронное правосудие; 2021 [процитировано 10 октября 2021]. Доступно: <https://kad.arbitr.ru/Card/2ec0e57b-2ffe-4a7b-b0e0-0c27a9b5383e>

противоречит установленной законодательством о банкротстве очередности удовлетворения требований кредиторов, нарушает права залогового кредитора.

Вынося определение от 19.10.2020г., Верховный суд РФ отменил судебные акты, применив нормы п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, которые регламентируют правило о приоритетном погашении издержек. Расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет выручки от реализации предмета залога до распределения конкурсным управляющим этой выручки в порядке, предусмотренном п.п.1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве, то есть до начала расчетов с залоговым кредитором.

По мнению суда, данное правило подлежит применению и тогда, когда в силу п. 2 ст. 334 ГК РФ залогодержатель обращает свои требования не к самой заложенной вещи, но к доходам от ее использования по договору аренды. При ином толковании положений п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве текущие расходы, возникающие в связи с передачей в аренду заложенного имущества, будут относиться на все гражданско-правовое сообщество кредиторов (удовлетворяться за счет продажи незаложенного имущества, уменьшая тем самым общую конкурсную массу), а выручка от той же аренды – направляться только одному члену названного сообщества – залоговому кредитору, создавая явный дисбаланс в объеме прав залогодержателя и остальных кредиторов.

Второе определение судебной коллегии по экономическим спорам от 08.04.2021 г., на наш взгляд, в значительной степени развивает подход Верховного суда РФ к толкованию п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, что повлечет в дальнейшем существенные изменения не просто в судебной практике об очередности погашения требований кредиторов, но и коренным образом повлияет на развитие института залога в российском правопорядке.

По содержанию спора, между конкурсным управляющим должника и налоговым органом возник спор относительно распределения денежной массы, вырученной при реализации залогового имущества, т.е. о порядке применения норм п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

Конкурсный управляющий, основываясь на п.п. 2 и 6 ст. 138 Закона о банкротстве, настаивал на следующей последовательности распределения вырученной суммы. В первую очередь, из вырученной суммы погашаются расходы на проведение торгов по реализации залогового имущества должника (без учёта налога на имущество и земельного налога). Далее, из оставшихся денежных средств 95 процентов направляется на удовлетворение требований залогового кредитора. И только после этого погашаются судебные расходы по делу о банкротстве.

Доводы налогового органа сводились к тому, что в первую очередь, в соответствии с п. 6. ст. 138 Закона о банкротстве должны быть погашены текущие налоговые платежи, связанные с имуществом, обремененным залогом. В данном случае это земельный налог и налог на имущество.

Три судебные инстанции поддерживали правовую позицию конкурсного управляющего, т.е. применили нормы п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве руководствуясь его буквальным толкованием. При разрешении спора, они исходили из того, что реестровое требование залогового кредитора приоритетно при погашении относительно требований об уплате текущих налоговых обязательств; денежные средства, вырученные от реализации залогового имущества, не представляют собой самостоятельную налогооблагаемую базу и, как следствие, не могут быть распределены в составе расходов на проведение торгов. Иной подход, по мнению судов, нарушил бы право приоритетного удовлетворения требований залогового кредитора.

Не отрицая наличие преимущества залогового кредитора, Верховный суд РФ применил расширительное толкование п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, фактически сформировав новый подход к определению перечня издержек, подлежащих изъятию из стоимости реализации предмета залога до начала расчетов с залоговым кредитором.

Расходами, связанными с обеспечением сохранности и реализацией залогового имущества, исходя из системного и телеологического¹ толкования норм права, суд посчитал «всяческие издержки, связанные с этим имуществом», в том числе и обязательства должника по уплате имущественных налогов, начисленных на залоговое имущество за период нахождения должника в банкротных процедурах.

Таким образом, по мнению суда, при крайне ограниченных возможностях должника-банкрота по удовлетворению всех предъявленных к нему денежных требований в большей степени реализуется соблюдение баланса интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве должника, и

¹ Телеологическое толкование – способ толкования, суть которого состоит в выяснении целевой направленности нормы права. Цель нормы объединяет содержание нормы единой направленностью на достижение определенного результата.

принцип соразмерного удовлетворения требований кредиторов при соблюдении прав залогового кредитора.

Прежде чем переходить к анализу правовых последствий телеологического толкования судом норм закона о банкротстве, и его влияния на залог как основной способ обеспечения исполнения обязательств в российском правопорядке, а вместе с тем и грядущие изменения в правоприменительной практике, полагаем необходимым проанализировать заключительное на данный момент определение судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 08.07.2021 г. № 308-ЭС18-21050 (41), посвященное данному вопросу.

Данный судебный акт последовательно развивает уже примененный расширительный подход к толкованию норм п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, распространив его на налоговые обязательства, возникшие в результате эксплуатации предмета залога при осуществлении хозяйственной деятельности должника в ходе процедур банкротства.

Таким образом, судебной практикой Верховного суда РФ за непродолжительный срок был сформирован иной правовой подход к определению порядка соблюдения баланса интересов кредиторов, требования которых обеспечены залогом имущества должника, иных кредиторов и государства в лице налогового органа. Де факто полностью изменен порядок распределения денежных средств от реализации предмета залога, что в значительной степени отразилось на правах кредиторов, которые обеспечены залогом имущества должника.

Однако появление новых механизмов, происходящих из определений судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ по конкретным делам, привело и к появлению новых спорных правовых ситуаций, в настоящее время не разрешенных ни на законодательном уровне, ни правоприменителем, ни доктриной.

Сложно оценить весь массив правовых (и не только, поскольку экономический эффект подобных разъяснений является весьма существенным) последствий подобного судебного «правотворчества», и смены направления судебной практики в данном вопросе. Однако возникает целый ряд правовых проблем, которые, по нашему мнению, уже сейчас требуют скорейшего разрешения.

С момента своего появления, залог всегда выступал как наиболее ценный и эффективный способ обеспечения исполнения обязательств [4, с. 26–37; 2, с. 10–44; 6; 5]. Исследуемая судебная практика позволила прийти к неизбежному выводу о снижении ценности института залога как способа обеспечения исполнения обязательств. Залог имущества должника в некоторой степени утратил свою эффективность, повышая риски кредитора, т.к. рост потенциальных издержек при банкротстве снижает (иногда весьма значительно) возможность погашения требований кредитора. Как следствие, это приведет к росту стоимости и цены кредитования. Едва ли это развивает экономику, банковский сектор в целом и кредитование в частности. Таким образом, те цели, а также правовой и экономический эффект, о которых указывал еще Высший Арбитражный суд РФ, становятся нереализуемыми.

Далее, непосредственный правоприменитель, т.е. арбитражные суды, рассматривающие дела о банкротстве, будут поставлены в непростое положение, пытаясь совместить новый подход Верховного суда РФ к вопросу о порядке распределения денежных средств от реализации предмета залога с уже существующей судебной практикой и делами о банкротстве, в которых расчеты с кредиторами осуществлялись до «смены курса».

Нормы п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве не изменились, и вряд ли законодатель будет менять его существующую редакцию. Таким образом, закон остался неизменным, а определения судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ по конкретным делам раскрывают какой именно смысл в данные нормы, по мнению суда, вложил законодатель, и каким образом указанные нормы подлежат применению.

Следовательно, с момента появления норм п. 6 ст. 138 в Законе о банкротстве в 2014 году, механизм распределения денежных средств от реализации предмета залога оставался неизменным, но предполагал преимущественное удовлетворение требований налогового органа в части налоговых обязательств, связанных с этим имуществом, и возникшие в период после возбуждения дела о банкротстве должника. Основания для различного применения норм п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве в зависимости от даты вынесения рассмотренных выше определений, объективно отсутствуют.

Вместе с тем, процедуры банкротства, в которых имущество должника обременено залогом в пользу кредитора или кредиторов, являются распространенными, их количество весьма значительно. На момент формирования Верховным судом РФ «новаторского подхода» к пониманию механизма распределения денежных средств от реализации предмета залога, во многих процедурах банкротства

денежные средства уже были распределены полностью или частично, а сами процедуры банкротства или завершены, или в силу разных обстоятельств еще делятся.

Необходимо оценить, какие правовые последствия должны наступить для кредиторов и арбитражных управляющих, в процедурах банкротства, в которых распределение денежных средств осуществлялось без учета текущих налоговых обязательств в виде имущественных налогов и налогов, связанных с владением и использованием предмета залога.

Полагаем, что новая судебная практика открывает для налогового органа ничем не ограниченную возможность заявлять о нарушении арбитражными управляющими закона в части соблюдения очередности погашения требований кредиторов при распределении денежных средств от реализации предмета залога, если такое погашение осуществлялось без учета приоритетного погашения налоговых обязательств. Под этот критерий попадают все без исключения процедуры банкротства, в которых фигурирует залог имущества должника, начиная с 2014 года.

Нарушение очередности погашения требований кредиторов является, по сути, нарушением арбитражным управляющим норм ст. 134 Закона о банкротстве, что приводит к возникновению на стороне кредитора (в нашем случае налогового органа) убытков. Убытки, причиненные арбитражным управляющим в деле о банкротстве, являются мерой его гражданско-правовой ответственности и подлежат возмещению в порядке норм ст. 20.4 Закона о банкротстве, т.е. за счет страхования ответственности арбитражного управляющего, его личного имущества, а также средств компенсационного фонда саморегулируемой организации, членом которой он является.

Срок исковой давности по требованиям о взыскании убытков в данном случае является общим, то есть составляет три года. Сказанное приводит нас к выводу о том, что государство в лице налогового органа обладает возможностью обращения с заявлением о взыскании убытков по всем делам о несостоятельности (банкротстве) осуществляемым или уже завершенным, в которых расчеты с кредиторами за счет реализации предмета залога завершены в пределах трех лет.

Последствия такого развития событий – повсеместное взыскание убытков с арбитражных управляющих, которое приведет к неминуемому коллапсу системы антикризисного управления, банкротству страховых компаний, которыми застрахована гражданская ответственность арбитражных управляющих, без преувеличения, краху механизма саморегулирования арбитражного управления вследствие истощения компенсационных фондов саморегулируемых организаций арбитражных управляющих.

Вряд ли подобное развитие событий отражает цели государства в области регулирования института банкротства, и надеемся, что нам не придется наблюдать такой пессимистичный сценарий в действии. Однако мы оцениваем в основном правовые последствия нового «телеологического» толкования п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве.

Как уже было сказано, нарушение очередности погашения требований кредиторов в делах о банкротстве, является нарушением, в частности, норм ст. 134 Закона о банкротстве. Нарушение арбитражным управляющим норм Закона о банкротстве, влечет не только гражданскую, но и административную ответственность в соответствии с нормами КоАП РФ.

В соответствии с нормами ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 3 настоящей статьи, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет дисквалификацию должностных лиц на срок от шести месяцев до трех лет (ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ).

Арбитражные управляющие, распределявшие в последние три года денежные средства от реализации предмета залога без учета приоритета налоговых обязательств, подлежащих изъятию из стоимости реализации предмета залога до начала расчетов с залоговым кредитором, могут быть привлечены к административной ответственности. С учетом формального состава п. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, и отсутствия альтернативного наказания в случае повторного (в течение одного года) нарушения, последствием может быть значительное снижение количества арбитражных управляющих в виду их массовой дисквалификации (временный запрет на профессиональную деятельность).

Полагаем, что подобное развитие событий не отражает интересы государства и участников рынка антикризисного управления, но с сугубо правовой точки зрения, такой вариант является вполне реализуемым, следовательно, несет потенциальные риски для всех участников данных правоотношений и системы в целом.

Помимо изложенного, новый подход к механизму распределения денежных средств от реализации предмета залога в ходе процедур банкротства закономерно вызывает вопросы о единстве нормативно-правового регулирования института залога в российском правовом порядке. Данное единство мы видим, прежде всего, в тождестве механизма реализации участниками данных правоотношений своих прав и выполнения обязанностей, независимо от обстоятельств, при которых кредитор обращает взыскание на предмет залога.

Помимо процедур несостоятельности (банкротства), обращение взыскания на предмет залога урегулировано параграфом 3 главы 23 ГК РФ, ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ, ФЗ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ.

В соответствии с нормами ст. 337 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором, залог обеспечивает требование в том объеме, какой оно имеет к моменту удовлетворения, в частности проценты, неустойку, возмещение убытков, причиненных просрочкой исполнения, а также возмещение необходимых расходов залогодержателя на содержание предмета залога и связанных с обращением взыскания на предмет залога и его реализацией расходов.

Обращение взыскания на предмет залога урегулировано нормами ст.ст. 350-350.1 ГК РФ, которыми предусмотрен как внесудебный и судебный порядок, а также закреплено право залогодержателя оставить имущество за собой в счет погашения долга. Аналогичные нормы продублированы в ст. 55 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)».

Статья 4 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» устанавливает, что в случаях, если залогодержатель уже понес расходы на погашение задолженности залогодателя по связанным с этим имуществом налогам, сборам или коммунальным платежам, возмещение залогодержателю таких необходимых расходов обеспечивается за счет заложенного имущества.

Далее единственное упоминание об удержании сумм от реализации предмета ипотеки встречается только в нормах ст. 59 вышеуказанного закона и применяется при реализации предмета залога по соглашению сторон – удержанию подлежит лишь сумма вознаграждения организатора торгов.

При обращении взыскания на предмет залога в судебном порядке, предмет залога подлежит реализации в соответствии с правилами ФЗ «Об исполнительном производстве». Денежные средства от реализации предмета залога направляются для погашения требования кредитора, чьи права обеспечены залогом реализованного имущества, после погашения расходов на проведение торгов (п. 4 ст. 78 Закона «Об исполнительном производстве»).

Как видно, механизм принудительного удержания сумм налогов и сборов из суммы вырученных от его реализации денежных средств, приведенными нормами не предусмотрен.

Нормы Закона о банкротстве не препятствуют залоговому кредитору нести затраты на обеспечение сохранности залогового имущества должника или его реализацию, поскольку это соответствует его материальному интересу. Вместе с тем не допускается возложение на кредитора обязанности по несению расходов по уплате имущественных налогов и сборов, неразрывно связанных с обремененным залоговыми правами имуществом.

Необходимо также выяснить последствия ситуации, при которой размер текущих обязательств перед бюджетом равен или превышает стоимость реализации предмета залога. Следуя анализируемой нами правовой позиции Верховного суда РФ, залогодатель в данном случае не получает погашения своих требований даже в части, что по сути обесценивает сам институт залога.

Закономерен и вопрос, каким образом подлежат реализации нормы о первоочередности текущих налоговых обязательств, если залогодатель воспользовался своим правом на оставление имущества за собой (п. 4.2 ст. 138 Закона о банкротстве). Допустим, стоимость имущества на момент оставления имущества за собой, ниже размера текущих налоговых обязательств. Возникает ли в данном случае у залогового кредитора обязательство уплаты (компенсации в пользу конкурсной массы) текущих налогов, и в каком объеме? А как быть, если кредитор оставил имущество за собой до вынесения Верховным судом РФ определения 08.04.2021 г. и не предполагал несение дополнительных затрат? Реализовывал бы он право на оставление имущества за собой в том случае, если такое действие повлекло бы для него необходимость компенсировать в конкурсную массу денежные средства в размере текущих налоговых обязательств, неразрывно связанных с предметом залога?

Полагаем, что в подобном случае ничто не препятствует налоговому органу взыскивать суммы текущих налогов с таких кредиторов в порядке возмещения конкурсной массе той части стоимости предмета залога, которая должна была обеспечить преимущественное удовлетворение требований налогового органа.

Список использованной литературы:

1. Автонова Е.Д., Карапетов А.Г., Матвиенко С.В., Мороз А.И., Сафонова М.В., Фетисова Е.М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за октябрь 2020 г. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020;(12).
2. Бевзенко Р.С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением: Очерк догмы, теории и политики права. *Вестник гражданского права*. 2017;(4).
3. Бевзенко Р.С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в сфере залогового права: Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге». М., 2012.
4. Бевзенко Р.С. Понятие и возникновение права залога. *Закон*. 2016;(3).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / А.В. Барков, А.В. Габов, М.Н. Илюшина и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М., 2016 // СПС «Консультант Плюс».
6. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017.
7. Егоров А.В. Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов. *Вестник гражданского права*. 2019;(1).
8. Карапетов А.Г., Матвиенко С.В., Мороз А.И., Сафонова М.В., Фетисова Е.М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за апрель 2019 г. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2019;(6).
9. Негодяев В.В. Актуальные вопросы практики применения учетной регистрации уведомлений о залоге движимого имущества в нотариальном реестре. *Нотариальный вестник*. 2021;(7).
10. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография / под ред. О.А. Беляевой. М., 2020.
11. Суворов Е.Д. Потенциальные конфликты между залоговыми и иными кредиторами при банкротстве должника: попытка установления баланса // *Вестник ВАС РФ*. 2013;(10).
12. Armour J. The Law and Economics Debate About Secured Lending: Lessons for European Lawmaking? *Centre for Business Research. University of Cambridge Working Paper*. 2008;(362).
13. Jackson T.H., Kronman A.T. Secured Financing and Priorities Among Creditors. *Yale Law Journal*. 1979;88.
14. Scott R.E. A Relational Theory of Secured Financing. *Columbia Law Review*. 1986;86(5).
15. McBryde W.W., Flessner A., Kortmann S.C.J.J. Principles of European Insolvency Law. *Series Law of*

References:

1. Avtonova E.D., Karapetov A.G., Matvienko S.V., Moroz A.I., Safonova M.V., Fetisova E.M. [Review of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on private law issues for October 2020]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2020;(12). (In Russ.)]
2. Bevzenko R.S. [Justification of the Priority granted to the Creditor by Real security: An Essay on Dogma, Theory and Policy of Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2017;(4). (In Russ.)]
3. Bevzenko R.S. [Legal positions of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation in the field of pledge law: Commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 17, 2011 No. 10 «On some issues of application of the legislation on pledge»]. М., 2012. (In Russ.)]
4. Bevzenko R.S. [The concept and emergence of the right of pledge]. *Zakon = Law*. 2016;(3). (In Russ.)]
5. [The Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary on section III "The general part of compulsory law"] / A.V. Barkov, A.V. Gabov, M.N. Ilyushina, etc.; edited by L.V. Sannikova. М., 2016 // SPS "Consultant Plus". (In Russ.)]
6. [Contractual and obligation law (general part) article-by-article commentary on Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation] / V.V. Baibak, R.S. Bevzenko, O.A. Belyaeva, etc.; ed. by A.G. Karapetov. М., 2017. (In Russ.)]
7. Egorov A.V. [Bankruptcy proceedings: commentary on key points]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2019;(1). (In Russ.)]
8. Karapetov A.G., Matvienko S.V., Moroz A.I., Safonova M.V., Fetisova E.M. [Review of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on private law issues for April 2019]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019;(6). (In Russ.)]
9. Negodyaev V.V. [Topical issues of the practice of applying the registration of notices of pledge of movable property in the notary register]. *Notarial'nyj vestnik = Notary Bulletin*. 2021;(7). (In Russ.)]
10. Osmanova D.O. [Abuse in insolvency (bankruptcy)]: monograph / edited by O.A. Belyaeva. М., 2020. (In Russ.)]
11. Suvorov E.D. [Potential conflicts between collateral and other creditors in case of debtor bankruptcy: an attempt to establish a balance]. *Vestnik VAS RF = Bulletin of the Supreme Arbitration Court*. 2013;(10). (In Russ.)]
12. Armour J. The Law and Economics Debate About Secured Lending: Lessons for European Lawmaking? *Centre for Business Research. University of Cambridge Working Paper*. 2008;(362).
13. Jackson T.H., Kronman A.T. Secured Financing and Priorities Among Creditors. *Yale Law Journal*. 1979;88.
14. Scott R.E. A Relational Theory of Secured Financing. *Columbia Law Review*. 1986;86(5).
15. McBryde W.W., Flessner A., Kortmann S.C.J.J. Principles of European Insolvency Law. *Series Law of*

Business and Finance. 2003;4.

16. Westbrook J.L. The Control of Wealth in Bankruptcy.
Texas Law Re-view. 2004;2(4).

Business and Finance. 2003;4.

16. Westbrook J.L. The Control of Wealth in Bankruptcy.
Texas Law Re-view. 2004;2(4).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курин Игорь Юрьевич*

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3711-2845>

Босых Андрей Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6523-2927>

Короткий Филипп Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8918-4218>

Симонян Кристина Романовна

преподаватель кафедры гражданского права ФГБОУ
ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4140-0812>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor Yu. Kurin*

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State
University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3711-2845>

Andrey I. Bosykh

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State
University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6523-2927>

Philipp V. Korotkiy

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State
University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8918-4218>

Kristina R. Simonyan

Lecturer of the Department of Civil Law of the FGBOU
VO "Kuban State University"

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4140-0812>